

UNITED WISDOM

Кем я становлюсь на другом языке: голос, который ещё учится меня выражать

Отношения и близость

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

R-22-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Кем я становлюсь на другом языке: голос, который ещё учится меня выражать

Эпиграф

> *Я помню это.*

Mary Antin, *From Plotzk to Boston*, вводная часть: начало последнего предложения абзаца о первом семейном расставании. Короткий фрагмент, собственный перевод редакции United Wisdom. Текст.

О чём эта статья

После переезда иногда удивляет собственный голос. На родном языке человек умеет поддразнить, обозначить сомнение, рассказать нелепую историю. На новом он сначала сообщает факты и благодарит. Условная Дина, редактор сорока лет, после встречи с коллегами думает: они знают аккуратного молчаливого человека, а я себя такой не знала. Она не понимает, стала ли другой или пока не может показать то, что в ней уже есть. Дина и остальные сцены этой статьи вымышлены.

Наш вопрос — как различать изменение себя, доступные средства речи и условия разговора. Мы сопоставим ранний эмигрантский текст Mary Antin, конкретное исследование двуязычных самоописаний и воспоминание Августина об освоении языков. Они отвечают на разные вопросы. Ни один не доказывает, что второй язык создаёт вторую личность. Предлагаемая проба разговора — редакционный способ заметить одно затруднение; её эффективность не исследована, и она не обещает ни беглости, ни возвращения прежнего звучания. Читатель может отказаться от пробы, предпочесть перевод или просто оставить вопрос открытым.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Моя короткая фраза не вмещает всего, что я хотел сказать

Дина на встрече отвечает, что предложение интересное. На родном языке она добавила бы: идея привлекает, но сроки вызывают сомнения; прежде чем соглашаться, стоит посмотреть на объём. На новом языке первая часть доступна сразу, а две следующие требуют времени. Собеседники успевают перейти к другой теме. Позднее Дина сердится на себя за нехарактерную покладистость. Между тем в этой сцене согласия не было: была неполная фраза. Внутреннее намерение и то, что сумели услышать другие, разошлись.

Это различие существенно именно для языка. Можно заранее решить, что ты стал уступчивее, и начать бороться с новым характером. Но можно сначала установить, какое содержание исчезло по дороге в речь. Недостаёт слова, конструкции, паузы, возможности вернуться к теме? Каждое из этих затруднений требует другого ответа. Поиск подходящего оборота не равен пересмотру ценностей. А перемена ценностей, если она действительно произошла, не объясняется одной найденной конструкцией. Нам нужен более точный вопрос, чем общее недовольство собой.

Полнота мысли тоже не должна становиться требованием к каждой реплике. Иногда человек и на родном языке оставляет детали при себе. Важна возможность различить добровольную краткость и вынужденное обеднение смысла. Дина может проверить это в одном месте: уточнить, что интерес к идее ещё не означает согласия со сроком. Ей не обязательно произносить изящную речь или объяснять коллегам всю историю своей языковой неуверенности. Достаточно вернуть в разговор исчезнувшее условие и узнать, поняли ли его.

При этом собеседник не имеет доступа к невысказанному. Он мог вполне добросовестно услышать положительный ответ. Различение не назначает виновного и не требует угадать скрытое намерение. Оно даёт основание для ремонта конкретной беседы. После уточнения ещё предстоит решить, что делать с предложением; эта работа не исчезает благодаря точным словам. Но человек уже обсуждает собственную позицию, а не позицию, случайно возникшую из слишком короткого ответа. Так новый язык становится средством участия, даже когда остаётся несовершенным.

II. Сначала заметить, что именно изменилось

Фраза о том, что на другом языке я совсем другой, часто объединяет несколько наблюдений. Я говорю тише. Реже перебиваю. Не нахожу шутки. Согласен на то, от чего раньше отказался бы. Считаю себя менее интересным. Эти утверждения относятся к разным вещам: звучанию, действиям, содержанию решений и оценке себя. Если смешать их, любое неловкое выступление будет выглядеть доказательством большой внутренней перемены. Если разделить, появляется шанс исследовать именно то, что сейчас мешает, без окончательного портрета личности.

Morgan Gianola, Maria M. Llabre и Elizabeth A. Reynolds Losin исследовали самоописания 133 испано-английских двуязычных взрослых. В отдельных языковых условиях участники заполняли опросник Big Five; второй язык все освоили до десяти лет. Некоторые оценки различались между английским и испанским. Авторы подчёркивают, что изучали самоотчёты: из них нельзя непосредственно вывести соответствующие изменения поведения. Связи культурной идентификации с оценками также не устанавливают направление причины. Это определённая выборка и дизайн, а не описание каждого взрослого эмигранта. Исследование.

Для нашего вопроса это ограниченная, но полезная остановка перед выводом. Увидеть себя иначе в разных языковых обстоятельствах возможно; объяснение этого различия ещё требует работы. Нельзя взять различие средних оценок и решить за Дину, что она приобрела новый характер. Нельзя и заранее объявить её впечатление иллюзией. Описанию собственного опыта нужна своя мера: например, в двух последних рабочих разговорах я не успела задать уточняющий вопрос. Такое наблюдение меньше, зато понятнее, чем вердикт о потере себя.

Проверка не требует заполнять личностный тест или сравнивать культуры целиком. Достаточно удержать различие между фактом и его толкованием. Факт может быть таким: реплика осталась неоконченной. Толкование — я больше не умею отстаивать мнение. Проверить первое можно по разговору; второе охватывает гораздо больше случаев. Чем шире вывод, тем осторожнее стоит с ним обращаться. Статья не предлагает диагнозов по манере речи. Она предлагает не торопить собственную биографию до тех пор, пока не прояснилось небольшое, конкретное событие.

III. Собеседник, тема и время тоже входят в голос

Если Дина на новом языке с приятельницей смеётся, а на совещании молчит, дело нельзя целиком отнести к языку. Приятельница знает её, не спешит и готова переспрашивать. Коллеги обсуждают незнакомый проект, перебивают друг друга и используют сокращения. Меняются сразу несколько условий. Мы не можем мысленно оставить одно, а остальные считать несущественными. Чтобы понять затруднение, полезно перечислить обстоятельства встречи, включая власть собеседника, право на ошибку, длительность ответа и знание предмета. Это описание ситуации, а не научный опыт.

Условный Антон уверенно говорит о своей профессии и теряется при светском знакомстве. Технический словарь у него богат, а лёгкие вопросы кажутся неожиданно трудными. Со стороны он выглядит то уверенным, то замкнутым. Для него самого различие связано с тем, где понятна задача: на работе нужно назвать проблему, вечером — выбрать, что о себе рассказывать. Другой человек столкнулся бы с обратной картиной. Приписать языку один обязательный эффект означало бы заранее стереть это многообразие и не увидеть настоящую трудность Антона.

Можно спросить себя, что изменилось бы при более медленном разговоре на ту же тему. Если стало бы легче выразить сомнение, темп имеет значение. Если слова находятся, но страшно возражать именно этому начальнику, стоит учитывать отношения. Если собеседник понимает всё, а собственное звучание всё равно кажется чужим, вопрос иной. Эти мысленные сравнения не доказывают причину. Они помогают выбрать, какое условие попросить изменить в следующий раз, вместо требования немедленно исправить весь голос, уверенность и положение среди людей.

Есть предел доступной настройки. Участник разговора не всегда может замедлить собрание, выбрать язык или пригласить переводчика. Поэтому трудность не следует превращать в личную обязанность быть изобретательнее. Иногда её точное описание нужно для просьбы о подходящем формате, иногда — для решения не участвовать, иногда — только для отказа от несправедливого вывода о себе. Голос существует в отношениях; поддерживающий собеседник может многое облегчить, но не вправе назначать человеку желательный характер. Помощь остаётся помощью, пока сохраняет его содержание и решение.

IV. Перевести мысль — не значит перевести себя целиком

В предисловии к *From Plotzk to Boston* Israel Zangwill сообщает, что Mary Antin сначала описала путешествие на идише в одиннадцать лет, а затем перевела текст на английский в тринадцать. Это свидетельство автора предисловия, а не проверенное здесь сравнение двух рукописей. Сама Antin во вводной части различает детское знание при отъезде и позднейшее понимание. Для нашей темы важна возможность рассказать пережитое другим языком и с другой временной точки; одна жизнь не устанавливает общего закона двуязычия. Книга.

Когда Дина пытается перевести любимую историю, меняются длина вступления, объяснение знакомых имён, доступность игры слов. Это работа с рассказом для определённого слушателя. Она не обязана воспроизводить каждый оттенок, чтобы остаться автором истории. Но и не обязана радоваться любой потере. Можно признать: эта шутка сейчас не переносится; я могу объяснить её, заменить или оставить для тех, кто знает первый язык. Ни один выбор сам по себе не измеряет верности прошлому и не устанавливает, какой голос более настоящий.

Перевод полезно оценивать по задаче. При обсуждении договора нужна точность условий. В дружеской истории — возможность передать её настроение или смысл. В личном разговоре — согласие человека с тем, что о нём услышали. Эти требования могут расходиться. Красивое выражение не обязательно точно, а точное не всегда передаёт теплоту. Поэтому вопрос о собственном голосе нельзя решить одним универсальным переводом. Иногда потребуется короткое уточнение, иногда два способа сказать одно, иногда право признать, что подходящих слов пока нет.

Собственный голос можно узнавать в решениях о речи: что я оставляю, что объясняю, где не соглашаюсь с чужим пересказом. Он не ограничивается знакомым тембром или быстрым словарём. При этом узнавание не гарантируется. Человек может долго ощущать неудовлетворённость и не хотеть превращать её в урок развития. Такая позиция тоже допустима. Мы не предлагаем считать каждый потерянный оттенок приобретением. Различение оставляет место и новой возможности, и реальной цене, которую пришлось заплатить за более узкое средство выражения.

V. Ошибка в слове и согласие по существу различаются

Особенно остро вопрос голоса возникает там, где за словами следует обязательство. Человек употребляет знакомую положительную формулу, чтобы показать, что слышит собеседника, а её принимают за обещание. Или выбирает мягкое выражение отказа, которое выглядит как просьба продолжить убеждение. Мы не устанавливаем универсальных значений таких формул для разных стран. Их смысл зависит от ситуации и конкретных участников. Но можем отличить вежливое участие от согласия на действие и предложить проверять именно содержание, которое имеет последствия для человека.

В условной сцене Дина готова посмотреть предложение, но не готова работать в выходные. Это два разных ответа. Чтобы исправить недоразумение, ей нужно назвать предел доступности, а не доказать, что она умеет быть жёсткой. Можно подготовить простое уточнение заранее и отправить его после встречи. Это не капитуляция перед письменной речью: задача состоит в передаче решения. Устный разговор остаётся возможным, но не является единственным экзаменом на взрослость. Техническое средство не должно подменять содержание и волю автора.

Когда последствия велики, бытового упражнения недостаточно. Точность обязательств может требовать квалифицированного перевода, соответствующей процедуры или профессионального объяснения. Статья не задаёт юридических правил согласия и не рекомендует подписывать что-либо на основании общего впечатления. Важно лишь не считать отсутствие языковой беглости отсутствием позиции. Просьба о времени, письменном варианте или разъяснении не доказывает меньшей компетентности во всех областях. Она сообщает, какие условия сейчас нужны, чтобы человек мог понимать предложение и решать за себя.

С другой стороны, исправление слова не отменяет ответственность за уже совершённые действия автоматически. Участникам нужно договориться, что именно произошло и что можно пересмотреть. Различение помогает начать этот разговор честно: я выразился неточно; моя готовность была уже; теперь надо выяснить последствия. Здесь язык соприкасается с доверием. Обещать без уверенности в понимании неудобно и для говорящего, и для слушателя. Сохранение голоса означает возможность уточнять смысл, а не право считать любое нежелательное обязательство простой ошибкой перевода.

VI. Новая выразительность может появиться, но её не надо требовать

Второй язык иногда даёт человеку неожиданную возможность. Формула, которой он раньше избегал, оказывается проще; тема, окружённая привычными семейными намёками, обсуждается иначе. В условном разговоре Антон впервые спокойно говорит, что не хочет продолжать спор. Может быть, помогает новое выражение; может быть, с ним беседует другой человек; может быть, изменилось само решение. Мы оставляем эти объяснения открытыми. Они позволяют заметить появившуюся возможность без вывода о том, что один язык освобождает, а другой обязательно сковывает.

Новое средство может стать своим постепенно, через употребление в подходящих обстоятельствах. Не обязательно заранее испытывать полную естественность, чтобы высказать нужное. Но не обязательно пользоваться новой фразой только потому, что она считается местной нормой. Человеку важно услышать её смысл и согласиться с ним. Одно дело — непривычная форма своего решения; другое — чужое решение, которое легко произнести. Лёгкость и принадлежность не совпадают автоматически. Голос возвращается к вопросу о том, что я намерен сообщить, а не только как звучит реплика.

У нового оборота есть история встречи с конкретными людьми. Дина может сохранить выражение, услышанное от внимательной коллеги, потому что оно помогает обозначать сомнение без лишнего вступления. Это маленькое приобретение, которое не требует отказа от любимых слов первого языка. Она не обязана употреблять его дома или строить на нём новый образ себя. Достаточно того, что теперь в одном разговоре доступно дополнительное действие. Так можно оценивать изменение по его действительной функции, не превращая каждую удачную фразу в доказательство личного преображения.

Приобретение также не возмещает все потери. У человека могут одновременно расшириться рабочие возможности и сузиться круг лёгких дружеских разговоров. Он вправе радоваться одному и горевать о другом, не выбирая итоговую оценку языка. Статья не требует благодарности за вынужденный переезд и не обещает, что трудности обязательно окупятся. Условие уважения здесь простое: новую выразительность можно заметить, предложить, опробовать или отклонить. Она становится ресурсом тогда, когда человек получает больше подходящих средств собственного участия, а не новую обязанность быть другим.

VII. Чей слух помогает голосу стать слышимым

Августин в *Исповеди*, I.14.23, вспоминает нелюбимое школьное изучение греческого рядом с освоением латыни среди обращавшихся к нему людей. Он различает угрозы и живую потребность выразить свои мысли; далее помещает это различие в собственное богословское понимание дисциплины. Мы берём отсюда вопрос об условиях речи, не одобряем наказания и не выводим современный метод обучения. Это ретроспективное свидетельство одного автора; оно не проверяет эффективность поддерживающей среды для взрослого эмигранта. Прочитанный раздел.

Слушатель может помочь конкретным действием. Дождаться конца фразы. Уточнить, было ли это согласие или интерес к обсуждению. Не заменять поиск слова готовой характеристикой человека. При этом важно спросить, нужна ли помощь: постоянное исправление произношения способно превратить даже дружескую беседу в урок, которого никто не просил. Право говорящего на смысл включает право выбрать способ поддержки. Иногда он хочет поправки; иногда достаточно терпения; иногда нужна возможность переключиться на другой язык или написать ответ.

Не всякое завершение чужой фразы является вторжением. Среди близких это может быть удобным, согласованным способом разговора. Но согласование имеет значение: слушатель может ошибиться и произнести то, чего человек не собирался говорить. Тогда полезно сохранить простой выход — возможность поправить пересказ без длинного оправдания. Помощь не должна создавать долг благодарности, который мешает возразить помощнику. Собеседник остаётся автором своей позиции, даже если её выражение проходит через другого человека и требует нескольких попыток.

Самому говорящему не нужно обеспечивать комфорт всех слушателей за счёт исчезновения собственных условий. Если разговор превращается в насмешку или давление, бытовая языковая проба теряет смысл. Можно прекратить её, выбрать письменную форму или обратиться за подходящей помощью. Статья не устанавливает правила безопасности для каждой ситуации. Она лишь удерживает границу: право учиться не даёт окружающим права унижать, а чужое нетерпение не является надёжной мерой внутренней бедности человека. Содержание его мысли не становится меньше от того, что слушатель не захотел дождаться.

VIII. Сохранить первый язык без проверки на верность

Человек может пользоваться новым языком почти весь день и хотеть вечером слышать старый. Это не обязательно отказ от освоения нового места. И наоборот, временно выбирать второй язык в личных разговорах — не обязательно измена прошлому. Для нашего вопроса важнее функция выбора: где мне доступно то содержание, которое я сейчас хочу выразить, с кем я могу говорить и какой ценой. Общего правильного соотношения языков статья не предлагает. Даже внутри одной семьи потребности и возможности могут существенно различаться.

Дина слушает знакомые истории на первом языке, потому что там узнаёт ритм юмора. Её ребёнок чаще отвечает на втором. Если превратить каждый ответ в проверку любви к семье, разговор будет отвечать уже не своей первоначальной задаче. Можно отдельно обсудить желание поддерживать язык и отдельно — способ говорить сегодня. Семейная память заслуживает внимания, но внимание не равнозначно принуждению. Вопрос обучения ребёнка требует соответствующей информации; наша статья о взрослом голосе не заменяет педагогического решения и не устанавливает семейную языковую норму.

Сохранение языка может быть небольшим действием: доступная книга, разговор с другом, собственная заметка. Оно не обязано включать публичную декларацию принадлежности или большой проект сохранения культуры. И не всякая возможность доступна сейчас. Потерянный круг общения, нехватка времени, конфликт с родственниками не устраняются красивым призывом помнить корни. Человек вправе искать другие формы или отложить задачу. Именно поэтому отказ от проверки на верность полезен: он позволяет видеть действительные препятствия, вместо того чтобы толковать их как недостаточную любовь.

Если хочется вернуть конкретное выражение первого языка в новый разговор, можно объяснить его смысл без требования полного эквивалента. Собеседник может заинтересоваться, а может не захотеть; взаимность не гарантирована. Такая попытка остаётся приглашением, а не экзаменом для чужой культуры. Несколько способов сказать одно могут соседствовать. Человек не обязан назначать один из них единственным голосом своей жизни. При этом некоторые оттенки действительно останутся доступными лишь немногим людям. Это ограничение можно признавать, не обесценивая ни старый язык, ни нынешнее участие в новом.

IX. Акцент не сообщает всей истории человека

Акцент слышен раньше, чем биография, опыт и знания. Это делает его удобной, но слишком узкой подсказкой. В условной сцене Антон ошибается в окончании, рассказывая о сложном рабочем решении. Собеседник начинает объяснять ему самые простые вещи и перестаёт спрашивать о предмете. Мы не утверждаем, что так происходит со всеми иностранцами. Сцена показывает возможное расхождение: трудность выражения принимается за отсутствие понимания. Языковую помощь можно предложить, но содержание профессионального ответа всё равно нужно услышать отдельно.

Для самого Антона опасно принять такое отношение как точное описание своих возможностей. Но и совет просто не обращать внимания слишком лёгок: оценки окружающих могут иметь последствия. Ответ зависит от ситуации. Иногда достаточно показать конкретный результат работы; иногда нужно попросить понятную обратную связь; иногда вопрос выходит за пределы индивидуального разговора. Статья не даёт инструкции по жалобам или защите трудовых прав. Она предлагает назвать, что оценивают: понятность речи, владение термином, качество решения или чужое ожидание о человеке с таким звучанием.

Акцент также не обязан стать символом гордости. Читатель может хотеть изменить произношение ради удобства, профессиональной задачи или собственного удовольствия. Другой может не хотеть. Оба решения совместимы с уважением к себе, если выбор остаётся возможным и не поддерживается унижением. Мы не обещаем конкретных результатов занятий и не противопоставляем обучение достоинству. Можно улучшать средство, не соглашаясь с выводом, что до улучшения человек имел меньшую ценность. Полезный критерий касается функции: какие разговоры станут доступнее и для кого.

Бывают встречи, в которых содержание слышат при любом произношении, и встречи, где идеальная речь не устранила бы неравенства. Важно не назначать голос единственной причиной всех трудностей после переезда. Работа, документы, отношения и доступ к возможностям требуют своих решений. Язык участвует во многих из них, но не заменяет остальные условия. Когда человек видит эту границу, он может выбирать занятия по их реальной задаче. Тогда каждое неверное ударение перестаёт нести неподъёмную обязанность объяснить всё его нынешнее положение.

X. Узнать себя по возможности уточнять

В начале Дина спрашивала, стала ли она другой. После одного уточнённого разговора ей не нужно отвечать на этот вопрос окончательно. Она может сказать меньшее: я сумела обозначить сомнение, которого не было слышно; коллеги поняли условие; предложение всё ещё надо обсудить. Это хороший пример узкого результата. Он не доказывает, что прежний характер сохранился целиком или что эмиграция завершила внутреннюю работу. Но он показывает конкретную возможность участия, которую можно оценить без итогового суждения обо всей личности.

Собственный голос в этой статье связан с правом уточнять намерение. Я могу говорить медленнее, иначе строить фразу, пользоваться помощью и всё же сообщать своё решение. Иногда решение тоже меняется; тогда голос проявляется в честном сообщении о перемене. Нам не нужно объявлять неизменность высшей ценностью. Нам нужно оставить человеку возможность отличать то, что он выбрал, от того, что получилось случайно или было приписано другими. Это редакционная позиция, а не определение личности, принятое во всех традициях.

Есть и сильное возражение: постоянные уточнения утомляют, а человек хочет просто общаться. Поэтому предложенная проба должна оставаться небольшой и необязательной. Не каждую беседу следует разбирать, не каждую фразу возвращать. Если языковые упражнения увеличивают напряжение или вторгаются в необходимый отдых, их можно прекратить. Иногда лучше выбрать знакомого собеседника, перевод, тишину или время без самоанализа. Возможность отказаться не является неудачей методики: без неё наша практическая идея сама стала бы дополнительным требованием к уже перегруженному человеку.

Предел ответа остаётся открытым. Источники не позволяют обещать, что голос станет привычным через определённый срок, или решить, какой язык выражает человека глубже. Быть услышанным зависит от средств, обстоятельств и готовности другого слушать. Мы можем осторожно расширять одну из этих возможностей. Дина не обязана немедленно стать остроумной в новом окружении. Если её интерес, несогласие, юмор или молчание постепенно получают подходящую форму, этого достаточно для следующего разговора. Будущее звучание остаётся её делом, а не обязательным итогом переезда.

Что это значит на практике

Если хочется, выберите один недавний разговор с небольшими последствиями и запишите две короткие строки: что я хотел сообщить и что, вероятно, услышал собеседник. Второе остаётся предположением, пока его нельзя уточнить. Отметьте, чего недоставало: выражения, времени, понимания темы или возможности возразить именно этому человеку. Не делайте из этого тест характера. Один случай нужен для выбора следующего небольшого действия, а не для оценки всей жизни на новом языке.

Можно подготовить одну фразу, возвращающую потерянное содержание, и проверить её смысл с подходящим человеком, если он согласен. Затем выбрать доступный формат: сказать, написать, воспользоваться переводом или не возвращаться к разговору. В важных обязательствах нужна соответствующая профессиональная точность; наша бытовая проба её не обеспечивает. В насмешке, давлении или угрозе упражнение прекращается. Не надо доказывать способность говорить там, где участие лишает человека безопасности или права решать.

После попытки оцените только названный результат: удалось ли уточнить условие, задать вопрос, выразить отказ. Не получилось — можно сменить средство или отложить. Получилось — это не гарантирует беглости, изменения отношений или общего благополучия. Предложение редакционное и не испытано как программа. Право на первый язык, паузу, помощь и отказ сохраняется. Иногда ближайший полезный шаг состоит в том, чтобы перестать требовать от ещё незнакомого голоса немедленно передать всё, чем человек уже стал.

Ключевая цитата

> *Но тогда мы этого не знали.*

Mary Antin, *From Plotzk to Boston*, вводная часть, последнее предложение абзаца о движении к семейному воссоединению. Автор различает позднейшее понимание и знание при отъезде. Собственный перевод редакции United Wisdom. Текст.

Связи между традициями

Прочитанная опора	Связь с вопросом голоса	Граница сравнения
Antin и предисловие Zangwill	Опыт может получить рассказ на другом языке	История перевода сообщается предисловием; две рукописи здесь не сравнивались
Gianola и коллеги	Языковые условия связаны с различиями самоописания	Опросные оценки не равны поведению; ранние двуязычные взрослые не представляют всех эмигрантов
Августин, I.14.23	Освоение речи помещено в отношения с говорящими	Богословское воспоминание не является современным экспериментом обучения

Первоисточники

1. Mary Antin. From Plotzk to Boston, W. B. Clarke, 1899; Gutenberg20638. Метаданные, предисловие Israel Zangwill и вводная часть Antin. Две короткие цитаты взяты из вводной части. Территориальная доступность копии не устанавливает универсального разрешения на использование.

2. Morgan Gianola, Maria M. Llabre, Elizabeth A. Reynolds Losin. Language Dominance and Cultural Identity Predict Variation in Self-Reported Personality in English and Spanish among Hispanic/Latino Bilingual Adults. Авторская рукопись; итоговая публикация DOI10.1080/00223891.2024.2416412, выпуск2025. Прочитаны аннотация, состав выборки, инструменты, процедура, выбранные результаты, обсуждение и ограничения. Библиографические ссылки не принимаются за отдельно прочитанные источники; право повторного использования этой версии не установлено.

3. Augustine. Confessions, BookI, chapter14, paragraph23; New Advent. Перевод J. G. Pilkington в указанной на странице редакции; прочитан выбранный контекст обучения, включая богословскую оговорку. Полная книга не служит заявленным объёмом чтения; точная территориальная правовая оценка версии не установлена.

Теги

эмиграция, второй язык, родной язык, собственный голос, двуязычие, выражение намерения, перевод, акцент, темп разговора, языковые условия, самоописание, поведение, ограничение вывода, речевая помощь, письменный ответ, согласие, уточнение, отказ, время на ответ, юмор, семейная речь, языковой выбор, достоинство, слушатель, Mary Antin, Israel Zangwill, Августин, история путешествия, культурная идентификация, условный пример, обратимая проба, United Wisdom

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.